

Жунушова Г.Б.

**КЫРГЫЗ РЕСПУБЛИКАСЫНЫН ЖАҢЫ КЫЛМЫШ-ЖАЗА
МЫЙЗАМЫНДА КОНСТИТУЦИЯЛЫК ТҮЗҮЛҮШТҮН НЕГИЗДЕРИНЕ
ЖАНА МАМЛЕКЕТТИН КООПСУЗДУГУНА ЗЫЯН КЕЛТИРҮҮЧҮ
КООМДУК-КОРКУНУЧТУУ ЖОСУНДАРДЫ
ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИЯЛООНУН КӨЙГӨЙЛӨРҮ**

Жунушова Г.Б.

**ПРОБЛЕМЫ ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННО-ОПАСНЫХ ДЕЯ-
НИЙ ПОСЯГАЮЩИХ НА ОСНОВЫ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ И БЕЗ-
ОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА В НОВОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬ-
СТВЕ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

G.B. Junushova

**PROBLEMS OF THE DECRIMINALIZATION OF SOCIAL AND
DANGEROUS ACTS AFFECTING THE CONSTITUTIONAL STRUCTURE
AND THE STATE SECURITY IN THE NEW CRIMINAL LEGISLATION
OF THE KYRGYZ REPUBLIC**

УДК: 343.9: 343.21 (575.2)

Макаланын алкагында конституциялык түзүлүштүн негиздерине жана мамлекеттин коопсуздугунун негиздерине зыян келтирүүчү бир катар коомдук-коркунучтуу жосундарды болтурбоонун актуалдуу көйгөйлөрү каралат. Каралып жаткан жосундарга карата кылмыш-жаза мыйзамдарын модернизациялоонун оң жактарынын ичинде мамлекеттик, же коомдук ишмердин өмүрүнө же ден-соолугуна өз алдынча кол салуунун курамын декриминализациялоо автор тарабынан белгиленет. Конституциялык түзүлүштүн негиздерине жана мамлекеттин коопсуздугунун негиздерине зыян келтирүүчү коомдук-коркунучтуу жосундарды декриминализациялоонун терс жактарынын ичинде диверсиянын курамын мыйзамдык регламенттөөнүн жоктугун автор белгилейт. Макалада изилденүүчү кылмыштардын тобунун диспозициясындагы альтернативдүү аракеттердин кемчиликтери жана чектөөлөрү белгиленет жана белгиленген көйгөйлөрдү жеңип чыгуу жолдору сунушталат. Сепаратизмге каршы күрөшүүгө арналган эл аралык мыйзамдардын ченемдерине каралган жазык укуктук ченемдерди шайкеш келтирүү зарылдыгы автор менен белгиленет.

Негизги сөздөр: декриминализация, кылмыш-жаза мыйзамдары, сепаратисттик ишмердүүлүк, диверсия, экстремисттик ишмердүүлүк, кылмыштар, укуктук коргоо.

В рамках статьи рассматриваются актуальные проблемы исключения ряда общественно-опасных деяний, посягающих на основы конституционного строя и безопасности государства. В числе положительных аспектов модернизации уголовного законодательства в отношении рассматриваемых деяний автором отме-

чена декриминализация самостоятельного состава посягательства на жизнь или здоровье государственного или общественного деятеля. В числе негативных аспектов декриминализации общественно-опасных деяний, посягающих на основы конституционного строя и безопасности государства, автор отмечает отсутствие законодательной регламентации состава диверсии. В статье также обозначаются недостатки ограничения альтернативных действий в диспозициях исследуемой группы преступлений и предлагаются пути преодоления обозначенных проблем. Автором отмечается необходимость приведения в соответствие рассмотренных уголовно-правовых норм с нормами международного законодательства, посвященных борьбе с сепаратизмом.

Ключевые слова: декриминализация, уголовное законодательство, сепаратистская деятельность, диверсия, экстремистская деятельность, преступления, правовая охрана.

The article deals with topical issues of excluding a number of socially dangerous acts that encroach on the foundations of the constitutional system and state security. Among the positive aspects of the modernization of criminal legislation regarding the acts in question, the author noted the decriminalization of an independent composition of encroachment on the life or health of a state or public figure. Among the negative aspects of the decriminalization of socially dangerous acts, encroaching on the foundations of the constitutional system and the security of the state, the author notes the absence of legislative regulation of the composition of sabotage. The article also identifies the disadvantages of limiting alternative actions in the dispositions of the studied group of crimes and suggests ways of overcoming these problems. The author notes the need to bring the reviewed criminal law norms with the norms of international legislation on the struggle against separatism.

Key words: *decriminalization, criminal legislation, separatist activities, sabotage, extremist activities, crimes, legal protection.*

Проведенная в Кыргызской Республике реформа уголовного законодательства является объективной необходимостью, вызванной развитием и усложнением общественных отношений. Принятие нового Уголовного кодекса Кыргызской Республики от 2 февраля 2017 года №19 [1] (вступает в силу с 1 января 2019 года) (далее УК КР 2017 года) ознаменовало новую веху в развитии уголовно-правовой защиты основ конституционного строя и безопасности государства. Данным нормативно-правовым актом внесены значительные коррективы в существующую систему преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, действующую с момента принятия Уголовного кодекса Кыргызской Республики от 1 октября 1997 года №68 [2] (далее УК КР). При этом изменения проявились как посредством введения новых уголовно-правовых запретов, так и декриминализации ряда общественно-опасных деяний. Так, в числе первых тенденций, следует отметить такое безусловное достоинство УК КР 2017 как, то, что в нормах нового уголовного законодательства Кыргызской Республики впервые нашла свое законодательное закрепление уголовно-правовая охрана военной тайны (ст.ст. 307, 308, 316, 317 УК КР 2017 года). Однако, УК КР 2017 года не лишен пробелов и имеет ряд недостатков в конструкциях уголовно-правовых норм, предусматривающих наступление уголовной ответственности за совершение преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства. Так, без внимания законодателя остался ряд общественно-опасных действий, например, такое общественно-опасное деяние, как диверсия.

На основе сравнительного анализа диспозиций уголовно-правовых норм гл. 43 УК КР 2017 года [1], устанавливающих уголовную ответственность за преступления против основ конституционного строя и безопасности государства и гл. 29 действующего УК КР [2] рассмотрим новеллы уголовного законодательства, касающиеся декриминализации преступных деяний рассматриваемой группы преступлений.

В УК КР 2017 года законодатель отказался от выделения в самостоятельный состав посягательства на жизнь или здоровье государственного или общественного деятеля (ст. 294 УК КР) [2]. Подобная позиция законодателя представляется верной. Так в ч. 1 ст. 294 УК КР предусматривалась ответственность за «насильственные действия в отношении государственного или общественного деятеля, либо проживающих вместе с ним членов его семьи, а равно угроза применения такого насилия в целях прекращения его государственной или общественной деятельности, либо из мести за такую деятельность» [2]. При этом законодатель не давал разъяснений относительно того, какие именно деяния составляют насильственные действия в контексте данной уголовно-правовой нормы, а также не конкретизировал наступающие вследствие совершения таких насильственных действий преступные последствия.

В ч. 2 ст. 294 УК КР устанавливалась ответственность за «Убийство государственного или общественного деятеля, совершенное в целях прекращения его государственной или иной политической деятельности, либо из мести за такую деятельность» [2]. При этом, ответственность за аналогичное деяние устанавливалась также и в п. 4 ч. 2 ст. 105 УК КР (убийство лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга) [2]. Санкции названных статей предусматривают одинаковый верхний предел наказания: лишение свободы на срок до двадцати лет с конфискацией имущества или без таковой либо пожизненным лишением свободы с конфискацией имущества или без таковой. Таким образом, отказываясь от выделения в отдельный состав преступления убийства государственного или общественного деятеля в УК КР 2017 года, законодатель экономит средства правовой репрессии. В УК КР 2017 года убийство государственного или общественного деятеля полностью охватывается п. 8 ч. 2 ст. 130, т.е. квалифицированным видом убийства – убийства лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной, профессиональной деятельности или выполнением общественного долга [1].

В новом уголовном законодательстве претерпела значительные изменения законодательная конструкция закрепления объективных признаков сепаратистской деятельности. Законодатель пошел по пути ограничения перечня альтернативных действий составляющих объективную сторону сепаратистской деятельности. В ст. 311 УК КР 2017 года дается следующее определение сепаратистской деятельности: «Сепаратистская деятельность, то есть деяние, направленное на нарушение территориальной целостности государства, в том числе на отделение от него части территории или дезинтеграцию государства, совершаемое насильственным путем» [1]. Тем самым были выведены за пределы уголовно-правового запрета «планирование и подготовка такого деяния, пособничество его совершению, подстрекательство к нему, а равно возрождение, организация, руководство, участие в деятельности общественного или религиозного объединения, либо иной организации, в отношении которых вступило в законную силу решение суда о запрете деятельности в связи с осуществлением сепаратистской деятельности» [2], предусматриваемые ст. 295-1 УК КР. Законодательная конструкция определения сепаратистской деятельности, закрепленная в ст. 311 УК КР 2017 года [1] противоречит подп. 2 ч. 1 ст. 1 Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 года, ратифицированной Законом КР от 10 апреля 2002 года №50 [3], устанавливающим, что «сепаратизм – какое-либо деяние, направленное на нарушение территориальной целостности государства, в том числе на отделение от него части его территории, или дезинтеграцию государства, совершаемое насильственным путем, а равно планирование и подготовка такого деяния, пособничество его совершению, подстрекательство к нему, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон» [3].

Таким образом, в новом уголовном законе обнаруживается существенный пробел законодательства, так как остается вне поля уголовно-правовой ответственности не только признаки сепаратистской деятельности, закрепленные в определении сепаратизма Шанхайской конвенции

о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, но и создание и участие в организации, возрождающей и пропагандирующей идеи нарушения территориальной целостности государства, в том числе отделения от него части территории или дезинтеграции государства. В связи с тем, что в соответствии с правилом обратного действия уголовного закона, закрепленного в ч. 1 ст. 12 УК КР 2017 года, в соответствии с которым «закон, отменяющий преступность деяния или смягчающий уголовно-правовые последствия преступного деяния, имеет обратное действие во времени, то есть распространяется на лиц, совершивших соответствующее деяние до вступления такого закона в силу, в том числе на лиц, отбывающих наказание или отбывших его» [1], лица осужденные по ст. 295-1 УК КР «планирование и подготовка такого деяния, пособничество его совершению, подстрекательство к нему, а равно возрождение, организация, руководство, участие в деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых вступило в законную силу решение суда о запрете деятельности в связи с осуществлением сепаратистской деятельности» [2], которые в новом законодательстве декриминализованы, будут освобождены от уголовной ответственности, что несет определенную опасность для государства и общества. В связи с тем, что международные договоры Кыргызской Республики являются составной частью уголовного закона (ч. 1 ст. 1 УК КР 2017 года) [1], определение сепаратистской деятельности, закрепленное в ст. 311 УК КР 2017 года должно быть приведено в соответствие с Шанхайской конвенцией о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом.

Также в новом уголовном законодательстве была исключена из целей организации вооруженного мятежа, либо активного участия в нем такая цель, как нарушение территориальной целостности Кыргызской Республики. При этом, в УК КР 2017 года целями организации вооруженного мятежа или участия в нем остались свержение или насильственное изменение конституционного строя [1] (ст. 312 УК КР 2017 года). Обратимся к доктринальному толкованию понятия

вооруженного мятежа. Как указывает К.М. Осмоналиев: «Под организацией вооруженного мятежа понимается деятельность лица или нескольких лиц, умышленно поднявших людей на вооруженное восстание (мятеж) против законной власти (сговор инициаторов, создание штаба, вовлечение людей, создание необходимых структур и запасов и т.д.), а также действия по руководству мятежом ...»

Активное участие в вооруженном мятеже – это оказание властям вооруженного сопротивления, участие в применении силы по отношению к представителям власти, в насильственном захвате правительственных помещений, транспортных узлов и узлов связи, средств массовой информации, а также иных действий, необходимых для обеспечения вооруженного выступления [4, с. 568-569].

Таким образом, с учетом доктринального определения вооруженного мятежа, возникает резонный вопрос: такое преступное деяние, как организация вооруженного мятежа либо активное участие в нем в целях нарушения территориальной целостности Кыргызской Республики, предусмотряемое ст. 296 действующего УК КР в УК КР 2017 года будет либо вообще декриминализовано, либо будет охватываться составом преступления сепаратистская деятельность? По нашему мнению, при условии приведения в соответствие ст. 311 УК КР 2017 года в соответствии с Шанхайской конвенцией о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом организация вооруженного мятежа в целях нарушения территориальной целостности государства будет охватываться составом сепаратистской деятельности. Что в свою очередь вызывает необходимость в соответствующем отображении в диспозиции уголовно-правовой нормы.

Следует отметить, что в гл. 43 УК КР 2017 года не нашел своего закрепления и состав диверсии. По действующему УК КР диверсией признается «совершение взрыва, поджога или иных действий, направленных на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, путей и средств сообщения, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения в целях подрыва экономической безопасности или обороноспо-

собности, либо с целью дестабилизации деятельности государственных органов или общественно-политической обстановки Кыргызской Республики» [2] (ст. 298 УК КР). Декриминализация диверсии представляется неоправданной ввиду ее высокой общественной опасности. Как верно отметил С.В. Дьяков: «Диверсия представляет повышенную общественную опасность, поскольку объектом выступает экономическая безопасность и обороноспособность России. Наряду с этим диверсия осуществляется общеопасным способом, что ставит под угрозу также жизнь и здоровье граждан» [5, с. 124]. Поэтому представляется целесообразным дополнить гл. 43 УК КР 2017 года ст. 318-1 «Диверсия».

Значительные изменения в УК КР 2017 года коснулись также преступлений экстремистской направленности. Так, например, в УК КР 2017 года не нашел своего законодательного закрепления уголовно-правовой запрет финансирования экстремистской деятельности, то есть как закрепляется в ст. 299-3 УК КР «незаконное предоставление средств, оказание финансовых услуг или осуществление сбора средств любыми методами или способами, прямо или косвенно (через третьих лиц), с намерением или осознанием того, что средства предназначены или будут использованы полностью или частично для финансирования организации, подготовки или совершения экстремистской деятельности на территории Кыргызской Республики» [2].

Следует отметить, что в соответствии с Законом Кыргызской Республики «О противодействии экстремистской деятельности» от 17 августа 2005 года №150 финансирование экстремистской деятельности раскрывается как «финансирование указанной деятельности, либо иное содействие ее осуществлению или совершению указанных действий, в том числе путем предоставления для осуществления указанной деятельности финансовых средств, недвижимости, учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной, факсимильной и иных видов связи, информационных услуг, иных материально-технических средств» [6].

По нашему мнению, финансирование экстремистской деятельности влечет высокую общественную опасность и должно находиться под запретом уголовного закона.

При этом нелогичным представляется включение использования «финансовой или иной материальной помощи, полученной от иностранных общественных объединений, религиозных, либо иных организаций или иностранных граждан» [1] в число квалифицированных признаков состава «Изготовление, распространение экстремистских материалов» (п. 2 ч. 2 ст. 315 УК КР 2017 года) при отсутствии законодательного запрета финансирования. То есть если прибегнуть к буквальному толкованию, то получается, что законодатель устанавливает уголовно-правовой запрет на использование финансовой или иной материальной помощи, полученной от иностранных общественных объединений, религиозных, либо иных организаций или иностранных граждан при отсутствии уголовно-правового запрета оказания такой помощи. При этом, законодатель в конструкции п.2 ч. 2 ст. 315 УК КР 2017 года необоснованно сужает источники оказания финансовой или иной материальной помощи иностранными общественными объединениями, религиозными, либо иными организациями или иностранными гражданами. По нашему мнению, финансовая или иная материальная помощь может также оказываться и со стороны отечественных юридических и физических лиц, а также лиц без гражданства. При этом в п. 2 ч. 2 ст. 315 УК КР 2017 года также не учитывается то, что, в соответствии с с Законом Кыргызской Республики «О противодействии экстремистской деятельности» помощь может быть оказана и в форме предоставления «телефонной, факсимильной и иных видов связи, информационных услуг» [6], что явно выходит из пределов «финансовой или иной материальной помощи».

По нашему мнению, необходимо дополнить п.2 ч. 2 ст. 315 УК КР 2017 года и изложить в следующей редакции: «2) с использованием финансовой, материальной или иной помощи, полученной от третьих лиц».

Также представляется дополнить УК КР 2017 года ст. 315-1 устанавливающей уголовно-

правовой запрет финансирования экстремистской деятельности либо иного содействия ее осуществлению. В качестве диспозиции предложенной уголовно-правовой нормы целесообразно использовать следующий вариант: «Финансирование экстремистской деятельности, то есть незаконное предоставление средств, оказание финансовых услуг или осуществление сбора средств любыми методами или способами, прямо или косвенно (через третьих лиц), в том числе путем предоставления для осуществления указанной деятельности финансовых средств, недвижимости, учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной, факсимильной и иных видов связи, информационных услуг, иных материально-технических средств, с намерением или осознанием того, что средства предназначены или будут использованы полностью или частично для финансирования организации, подготовки или совершения экстремистской деятельности на территории Кыргызской Республики».

Если же предположить, что решение законодателя о невключении финансирования экстремистской деятельности в УК КР 2017 года в качестве самостоятельного состава преступления, обосновано тем, что «с позиций системности уголовного права финансирование того или иного уголовно наказуемого деяния может представлять собой один из видов соучастия в нем – пособничество» [7, с. 106], то ч. 4 ст. 43 УК КР 2017 года должна быть дополнена открытым перечнем альтернативных действий «..., а равно лицо, иным образом существенно содействовавшее совершению преступления».

Таким образом, новое уголовное законодательство Кыргызской Республики остается нелишенным недостатков правовых конструкций и пробелов. Некоторые из которых были определены в рамках настоящей статьи.

После введения данного нормативно-правового акта в действие, практика детально покажет работоспособность его положений и определит насколько эффективным является избранный подход законодателя.

Последовательное решение, определенных в рамках настоящей статьи, проблем законодательной регламентации составов преступлений

против основ конституционного строя и безопасности государства будет способствовать эффективной защите основ конституционного строя, суверенитета, территориальной целостности, а значит и безопасности государства в целом.

Литература:

1. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 2 февраля 2017 года №19 (Вводится в действие с 1 января 2019 года): URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111527> (дата обращения: 13.11.2018).
2. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 1 октября 1997 года №68: URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/568/1190?cl=ru-ru> (дата обращения: 13.11.2018)
3. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 года, ратифицированной Законом КР от 10 апреля 2002 года № 50: URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/17363> (дата обращения: 13.11.2018)
4. Комментарий к Уголовному кодексу Кыргызской Республики / Отв. ред. К.Ш. Курманов. - Б.: ИД «Наука и образование», 2003. - 746 с.
5. Дьяков С.В. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства: уголовно-правовое и криминологическое исследование. 2-е изд., испр. и доп. - СПб.: Издательство «Юридический центр-Пресс», 2012. - 267 с.
6. Закон Кыргызской Республики «О противодействии экстремистской деятельности» от 17 августа 2005 года №150: URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/1748> (дата обращения: 13.11.2018).
7. Борисов С.В. Ответственность за финансирование экстремистской деятельности как новелла уголовного законодательства // Вестник Московского университета МВД России. - 2014. - №11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otvetstvennost-za-finansirovanie-ekstremistskoy-deyatelnosti-kak-novella-ugolovnogo-zakonodatelstva> (дата обращения: 13.11.2018).

Рецензент: д.ю.н., профессор Сулайманов Н.Н.